

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Снег над Пэйчжуном	5
Глава первая	7
Глава вторая	49
Глава третья	89
Глава четвертая	151
Глава пятая	227
Глава шестая	271
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Век спокойствия	297
Глава первая	299
Глава вторая	339
Глава третья	367
Глава четвертая	397
Эпилог	455
БОНУСНАЯ ИСТОРИЯ 1.	
Пешка в чужой игре	469
БОНУСНАЯ ИСТОРИЯ 2.	
Мелодия вечного покоя	485
Послесловие	501

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛОССАРИЙ	503
Измерение времени в Древнем Китае	505
Измерения длины и веса в Древнем Китае ...	506
Термины	507

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СНЕГ
НАД ПЭЙЧЖУНОМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Так и не получив ответа от Цзюнь Вэя, я не на шутку встревожилась. Однако Му Янь заверил меня, что беспокоиться не о чем, ведь рядом с тем Сяо-Хуан, который, случись что, защитит его. Моего спутника, казалось, совсем не беспокоило положение, в котором мы оказались, поэтому я не стала напоминать ему о том, что немногим ранее Цзюнь Вэй заложил нашего тигра в местный зверинец. Мне до сих пор неизвестно, выкупил он его или нет. Однако я хорошо знаю своего друга детства, и было совершенно ясно, что надеяться тут не на что. Потом я вспомнила о том, как много в Новоландии мужчин, у которых определенно зародятся противоречивые чувства, встретить они где-нибудь юного и очаровательного Цзюнь Вэя. Что ж, похоже, роду Цзюней почти наверняка суждено прерваться.

Еще год назад Цзюнь Вэй клятвенно заверял меня, что если никто так и не возьмет меня в жены, то моим мужем станет он сам. Но судьба так устроена, что порой лишает людей дара речи. И все же иного выхода не было — дорога ложка к обеду, к тому же мы и понятия не имели, где

сейчас Цзюнь Вэй. А потому будь что будет — стоит просто положиться на волю Небес.

Му Янь предположил, что, раз уж от Цзюнь Вэя так долго нет ответа, сам он, воспользовавшись случаем, по дороге в столицу империи Чао может проводить меня обратно на гору Цзюньюй. Мой спутник давно хотел отправиться в путешествие в северную часть центральных равнин, но постоянно откладывал поездку. Видимо, настал час для осуществления его замысла.

Никогда бы не подумала, что Му Янь решит просто так сопровождать юную девушку в своем путешествии, чтобы попутно исследовать обычаи и нравы народа той местности. Я уже давно ждала, когда он произнесет слова прощания, и, наконец услышав их, с одной стороны, расстроилась, а с другой — вздохнула с облегчением, будто камень с души свалился.

Проезжая через пустынные холмы, густые степи, могучие реки, одинокие деревушки и унылые хребты, я заметила, как неизбежно течет время — словно просачивается сквозь пальцы. На закате каждого дня я вычисляла на пальцах час нашей разлуки, но не могла, как прежде, своевольно откладывать и менять predetermined путь.

Му Янь с улыбкой на лице спросил:

— Почему ты вечно смотришь на меня? У меня что-то с лицом?

Я набралась смелости и приблизилась к нему.

— Ага, кое-что есть. Дай-ка посмотрю поближе.

Он покорно склонил голову, и его насмешливый взгляд утонул в моих глазах.

— Тогда рассмотри повнимательнее.

Я думала, что он дразнит меня, но какая уже разница? Мы так или иначе скоро расстанемся, поэтому можно позволить себе быть немного наглее.

— Тогда закрой глаза, — кивнула я.

Он в самом деле послушно сомкнул ресницы. Угли оливкового дерева горели синеватым пламенем, из-за окна доносилось стрекотание насекомых. Му Янь невозмутимо сидел тут, словно говоря: «Я в твоих руках», и я едва сдерживалась от желания коснуться этого лица, что было так близко, глаз, до которых было рукой подать. Но не смела.

Мои ладони вспотели, кончики пальцев остановились в опасной близости от уголков его бровей и глаз. Я набралась смелости и, дрожа, коснулась его лба. То чувство, когда я дотронулась до него, то тепло, что исходило от него, — я запомню этот миг навсегда. В конце концов я не могла добровольно покинуть его. Ни за что. А его брови, глаза, переносица, губы, прекрасное лицо, каждая живая черта — все это было вырезано в моем сердце. Мы расстанемся, но я сохраню его образ в глубине своей души на всю жизнь.

Он слегка наклонил голову так, что мои пальцы теперь плотно прилегли к его вискам. Му Янь открыл глаза.

— А-Фу?

Я вздрогнула и немедленно отдернула руку. Угли неожиданно затрещали. Немного погодя я протянула к его лицу ладонь и сказала:

— Смотри, у тебя на лбу была соринка. Я лишь помогла убрать ее.

Его взгляд скользнул по моей руке, в которой ничего не было.

— И где же она?

— Ой! А куда же она подевалась? — Я сделала вид, будто и сама удивлена.

Му Янь подпер щеку и слегка улыбнулся. Так он и смотрел на меня, не говоря при этом ни слова. Часто я не понимала, о чем он думает, и это очень сбивало с толку, но ничего. Главное — я знала, о чем думаю сама.

Цзюнь Вэй, если кого-то полюбит, превращается в меланхоличного и мрачного человека, потому что его пугает возможная потеря. И теперь я наконец его поняла: рядом с Му Янем я всегда становлюсь нерешительной. Если потеряю его, мне уже нечего будет обретать или лишаться. У меня останутся лишь прекрасные воспоминания о нем, что расцветут в душе драгоценными, самыми драгоценными и пышными цветами.

Ласточки больше не возвращались в свои гнезда, лунный свет омывал ветви сирени, на севере буйно расцветали деревья в садах, а в южных краях уже осыпались лепестки. Время в дороге

пролетело быстро, и вот мы уже оказались на границе между царствами Цзян и Чэнь. Тогда-то и случилось то, что я полагала неминуемым в начале нашего пути, по прошествии времени уже отчаялась ожидать, а в конце концов все окончательно уверились, что уж этого-то точно не произойдет, — а оно возьми и случись без видимой на то причины.

Кое-что чрезвычайно серьезное.

Меня похитили.

Когда мы спускались с горы, наставник Цзюнь поручил Цзюнь Вэю оберегать меня на всем пути — именно похищения он тогда и боялся. Людей, что знают о чарующей мелодии страны грез, мало, но это не значит, что их нет совсем. Молва вознесла ее возможности до Небес, приписывая мелодии умение воскрешать мертвых, исцелять плоть; толкуют, как ее практиковали мужчины, женщины, старики, дети... Словом, все, от мала до велика, хотели завладеть ею.

То, к чему стремится большинство, часто оказывается тем, от чего хочет избавиться небольшая группа людей. Именно поэтому о чарующей мелодии страны грез сохранилось так мало достоверных записей. Хотя ей уже сотни лет, она по-прежнему окружена множеством тайн. Казалось бы, эту мистическую технику настолько безжалостно искореняют, что народные предания едва ли могли породить столь жгучую зависть. Когда наставник Цзюнь велел Цзюнь Вэю сопровождать меня, в душе я противилась этому решению. Но теперь я все поняла: не зря настав-

ник прожил на свете на несколько десятилетий больше.

Небо постепенно начинало темнеть. Так как меня похитили, руки и ноги мои, конечно же, были крепко связаны. Однако с веревками я была на «ты» и мастерски с ними расправлялась, поэтому мне весьма быстро удалось освободиться от пут. Я огляделась: меня укутали в стеганое одеяло, на кровать ниспадали золотые кисти полога, а прямо перед взором стояла ширма из шести плотно сомкнутых створок.

Ложе и шестистворчатая ширма... Вот только изображены на ней были отнюдь не привычные пейзажи, а юноша и девушка: вот они веселятся ночью при свечах, а вот обмениваются стихами, и еще на двух изображениях был мужчина, спокойно заваривающий чай или играющий на цине. Все это казалось до боли знакомым. В голове мелькнула догадка, но я тут же отбросила ее, не веря, что мастерство художника могло быть столь посредственным.

Я подумала так: хоть похитители и взяли меня в плен, воспользовавшись отъездом Му Яня, но, судя по всему, они даже не догадываются, что древняя секретная техника на самом деле запечатана в жемчужину и сокрыта в моем теле. К тому же они точно не знают о том, что я мертва. Даже если им откроется моя тайна, они едва ли в это поверят, ведь со времен, как император династии Чао совершил Великий обряд Синхань и разделил империю на девять уделов — царств, я остаюсь единственной, кто познал чарующую

мелодию страны грез, будучи уже в теле покойницы.

Но еще до того, как я успела обдумать и проанализировать свое положение как следует, плотно сомкнутые створки ширмы с легким стуком раздвинулись. Я тут же укрылась одеялом с головой, подняла взгляд и в сгущающихся сумерках в дальнем углу комнаты увидела одинокий мерцающий огонек свечи.

Служанка, что раздвинула ширму, подняла полог и встала рядом, слившись с темнотой ночи. А вот присутствие девушки, сидевшей прямо напротив, ощущалось куда сильнее. Дело было вовсе не в ее лице, а главным образом в том, как она выглядела в принципе: широкие рукава ее одеяния занимали так много места, что игнорировать девушку было просто невозможно. Свет одинокой свечи, тусклый и рваный, озарял лишь крошечное пространство, поэтому разглядеть лицо девушки было очень трудно, но я все равно чувствовала, как она будто пронизывает мою душу насквозь своим ледяным взглядом.

Постепенно свет одинокой восковой свечи заполнил все пространство и стал выхватывать из мрака бронзовый сосуд квадратной формы, стоящий на письменном столе и наполненный до краев вином изумрудного цвета. Я наконец смогла разглядеть черты этой девушки с пронзительным взглядом: одна половина ее лица была освещена ровным пламенем свечи, другая — скрывалась в тени колонны. Несмотря на всю ее

отстраненность, передо мной была женщина редкой, невероятной красоты.

Мой рот заткнули платком, поэтому у меня не было возможности сказать хоть что-то. Я сделала вид, будто изо всех сил пытаюсь вырваться. Девушка приподняла руку, собираясь подать знак служанке, но на полпути резко опустила ее и горько усмехнулась.

— И правда, чего это я? Зачем мне тебя освобождать? Сегодня тебе понадобятся только твои уши.

С этими словами она взяла со стола наполненную до краев чашу и осушила ее залпом. Затем, пошатываясь, девушка сделала несколько шагов, подошла к пологу, отстранила руку служанки, пытавшейся ее удержать, и, схватив меня одной рукой за подбородок, сорвала с меня маску и грубо задрала мое лицо. Я даже не знала, как на это реагировать, и подумала: «Не может же быть такого, что она считает, будто чарующая мелодия страны грез сокрыта в этой маске?»

Спустя мгновение ее тонкие белые пальцы коснулись извилистого шрама у меня на лбу. Ее взгляд был все таким же холодным и отстраненным. Наполненный ледяным спокойствием голос изрек:

— Ты красивая, не спорю. Но скажи, разве ты не слышала о том, что не следует брать чужое?

В комнате воцарилась тишина. Я запрокинула голову и уставилась прямо в ее глаза, не понимая, о чем она вообще говорит. Но терять чувство собственного достоинства было нельзя. Мы долго так

смотрели друг на друга, и вдруг в уголках ее губ заплясала ледяная усмешка.

— Притворяешься столь важной и невинной, однако так быстро позабыла о содеянном?

Я по-прежнему не понимала, что она от меня хочет, и попутно думала: «Судя по ее словам, похитили меня явно не ради техники чарующей мелодии страны грёз. Неужели они схватили не того человека?» Но я все же выпрямила спину. В этот самый момент она склонилась ко мне, и лазурная шпилька в ее уложенных в пучок волосах коснулась моего виска. Ее дыхание, едва осязаемое, пронеслось у самого уха.

— Ты любишь его, вертишься возле него, пользуясь его слабостями, только и думаешь о том, как бы ему угодить, и жаждешь, чтобы он обратил на тебя внимание... Ведешь себя как жалкий шут. Неужели ты не знаешь, что у него уже есть милый сердцу близкий человек, которому он принес клятву любви и верности?

Я на мгновение застыла, словно внезапная вспышка света промелькнула из ниоткуда. В сознании будто произошел взрыв. В это невозможно было поверить. Я инстинктивно попыталась вспомнить девушку, что тайно напала на Му Яня на горе Бишань, но в памяти всплывало лишь море роз. Это был конец четвертого месяца, последние дни весны.

Сидящая напротив меня девушка склонила голову, наблюдая за моим застывшим выражением лица. Тонкими пальцами она небрежно коснулась правого виска. И лишь тогда я заметила

в ее темных, как вороново крыло, волосах цветов на шпильке, свитый в форме... темной розы.

Если передо мной и правда Цинь Цзыянь, она точно никогда не забывала Му Яня.

Но она ранила его.

Я не знала, какое выражение должно появиться на моем лице, не могла понять, что чувствую в этот миг, и думала только об одном: «А что, если бы я нашла его на день раньше? Отыскала бы его среди других людей до их встречи? Каким бы тогда был сегодняшний день?»

Но за три года, спустя столько дней и ночей, я так и не смогла его найти, даже перед смертью не удостоилась последней встречи. Кажется, такова воля Небес.

Девушка села еще ближе. Она терла пальцами виски и хмурилась: кажется, перебрала с вином. Тусклый свет свечи отбрасывал блики на ее слегка покрасневшее лицо, что обладало какой-то особой холодной красотой. Слегка сжав губы, она смотрела вроде на меня, но как будто сквозь меня.

— В то время я еще играла на цине при дворе царства Чжао. Однажды на пиру я встретила юношу. Полководца, что разбивал армии врагов, низвергал генералов и захватывал города, не раз расширял границы государства на тысячу ли, снискал тем самым громкую славу и добился уважения. Во всем дворце царства Чжао, включая нескольких принцесс, не было девушки, что не восхищалась бы им.

Ее взгляд был сосредоточен на моем лице, а уголки губ дрогнули.

— Но лишь меня одну он взял с собой обратно на родину. — Она ненадолго замолчала и с насмешкой взглянула на меня. — Ты знаешь его лишь как культурного и тактичного человека с превосходными манерами, но видела ли ты, насколько он бывает терпелив и нежен?

Я покачала головой из стороны в сторону. Она же лишь усмехнулась.

— Вместе с ним мы пережили столько всего, что тебе даже не снилось.

В душе моей начала расти тревога, и вдруг на меня, будто громадная скала, навалилась тяжесть, но я не могла позволить себе струсить. Все равно что встретить в поле волка: как бы сильно ты его ни боялся, нужно смотреть ему прямо в глаза — кто первым опустит взгляд, тот и проиграл.

За всю жизнь мой отец, который к тому же был правителем царства, не научил меня никаким полезным вещам, кроме одного этого умения — чем больше твоя душа в смятении, тем невозмутимее должна быть маска на твоём лице. Мне хотелось спросить ее: если ты так любишь его, как могла так жестоко ранить? И раз уж ранила, как посмела не навестить его хотя бы однажды? В конце концов, я просто не могла понять, как можно выражать свою любовь, причиняя боль.

На этом свете вещей, которые мы понимаем, всегда будет меньше, чем тех, что так и остаются для нас загадкой, а в делах сердечных — и подавно. Все, что я знала, было основано лишь на моем скудном опыте, и, очевидно, в вопросах любви я была слишком неопытна.